

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ИРИНЫ МЕЛЬНИКОВОЙ –
ПРЕКРАСНЫЕ ИСТОРИИ О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ
И ЛЮБВИ:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой
Грех во спасение
Александра – наказание Господне
Невеста по наследству
Фамильный оберег. Закат цвета фламинго
Фамильный оберег. Отражение звезды
Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!
Ржавый Рыцарь и Пистолетов
Дикая Лиза
Нянька для олигарха
Мой ласковый и нежный мент
Колечко с бирюзой
Неоконченный романс
Роман с Джульеттой
Горячий ключ
Формула одиночества
Стихийное бедствие
От ненависти до любви
Небо на двоих

**В соавторстве
с Георгием Ланским:**

Ключи Пандоры
Лик Сатаны
Ярость валькирии

**Сериал
«Агент сысской полиции»:**

Агент сысской полиции
Талисман Белой Волчицы
Финита ля комедия
Сибирская амазонка
Бесы Черного Городища

ИРИНА
МЕЛЬНИКОВА

ФИНИТА
ЛЯ КОМЕДИА

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Мельникова, Ирина Александровна.

М48 **Финита ля комедия : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.**

ISBN 978-5-04-219840-3

В Североеланске с некоторых пор орудует крова-
жадный убийца. Он перебил семью богача Ушакова:
малолетних детей, мать, прислугу, жену. Ушаков в это
время напрасно ждал супругу в театре, ведь она одна
из ведущих актрис. Сыскные агенты быстро находят
мнимого преступника, но происходит еще одно звер-
ское убийство в гостинице — другой актрисы мест-
ного театра и ее любовника. Невольно глава сыскной
полиции Тартищев вспомнил о самоубийстве прима-
донны театра Муромцевой, происшедшем несколько
месяцев назад...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-219840-3

© Мельникова И., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ПРОЛОГ

Пусть жизнь страданием измята,
Но я полна одним тобой!
Сияют ярко предо мной
Огни последнего заката.
Любви последние огни
Сильнее вешнего рассвета
И, словно знойный полдень лета,
Пылают пламенем они... —

шепчут ее губы, как молитву, слова романса, которым она заканчивает каждый свой бенефис. Это ее добрый талисман, добрая примета, по-детски наивная вера в исполнение желаний, обычай, от которого она никогда не отказывается. И публика знает об этом, равно как и о том, что надо непременно *попросить* ее исполнить «Огни заката». Первыми начинают вызывать самые восторженные поклонники — студенты. К ним присоединяется бельэтаж, затем — партер, а потом уже и ложи, сверкающие бриллиантами и золотым шитьем мундиров.

«Огни! Огни! Огни!» — скандируют студенты, а зал рукоплещет. Она ждет несколько секунд, прижимая ладони к пылающим щекам. Все в зале знают, что этот романс для *него*... Но лишь единожды она остановит взгляд на его лице и уведет его в сторону, потому что рядом с

ним, на своем законном месте, жена — желтая, раньше времени увядшая женщина с длинным носом, морщинистой шеей и выпуклыми черными глазами.

И все знают, что их связь длится уже пять лет, но Perdrix¹, так с ее же легкой руки прозвали в свете законную супругу богатейшего сибирского промышленника, владельца Центрально-Азиатской компании Саввы Андреевича Булавина, ни в какую не дает ему развода. Кроме того, она постоянно устраивает ему сцены ревности, с истериками, упреками, слезами и обмороками.

«Как вам не стыдно... Вам пятьдесят два года... У вас дочь на выданье... Весь город над вами смеется...»

Perdrix бьет посуду и швыряет в мужа свечными шандалами. В городе это тоже знают и действительно посмеиваются за его спиной, потому что сказать ему о том в лицо, а тем более рассмеяться, не позволит себе даже губернатор.

Но все сцены происходят наедине дома, а на людях, в театре, за кулисами, куда Васса, или Виви Булавина, исправно заходит вместе с мужем поблагодарить актрису за доставленное *удовольствие*, на балах и гуляниях она первой приветствует соперницу. Иногда они даже обменивались поцелуями, если можно так назвать касание холодными губами щеки той, кого ненавидишь всеми фибрами своей души...

К услугам Виви — целый арсенал шпилек, намеков, булавочных укулов и даже змеиных укусов, но она опасается ими пользоваться, потому что знает, у ее соперницы острый, безжалостный язык. Она уже поплатилась, однажды заявив *en petit comite*², что прощает *шалости* своему мужу, ведь после этого он так нежен и горяч в супружеской постели. И уже на следующий день ей передало это мерзкое слово *perdrix*. Его произнесла в сердцах

¹ Куропатка (фр.).

² В тесном кругу (фр.).

эта негодяйка, которая мнит себя чуть ли не королевой. И прозвище это мигом приклеилось к Виви, доставляя ей несомненные огорчения.

Она была неглупой женщиной и в конце концов поняла, что муж не просто влюблен, он любит, и любит по-настоящему, и против этого уже ничего не могла поделать. И даже губернаторша, женщина недалекая и бестактная, вынуждена была как-то признать: «Виви — сильная женщина. Elle fait bonne mine au mauvais jeu!»¹

А что в конце концов ей оставалось делать?

Ее муж не просто безумно богат. Он еще меценат и страстный театрал. Его слово — закон, не только в городе, но и в театре. Он помогает средствами прогорающим антрепренерам, охотно подкармливает нуждающихся актеров, поддерживает дебютантов и дебютанток. Он — истинный знаток и ценитель искусства. И режиссер знает, что его предложения всегда к месту (равно как и деньги), когда речь заходит о подписании контрактов с актерами, выборе репертуара, декорациях, костюмах, характере персонажей, обстановке и нравах представляемого на сцене общества. Он частенько приезжает на рядовые репетиции, а уж на генеральных и вовсе — первое лицо.

Полжизни они с Виви провели за границей. Ей было не привыкать, что муж тратится на кокеток и актрис, пропадает в музеях и картинных галереях, играет в бильярд и на скачках, собирает старинное оружие и средневековые гравюры. А здесь, в Сибири, увлекся вдруг орхидеями, для чего выстроил огромную оранжерею, содержит дюжину садовников и даже выписал из Франции мосье Дежана, как говорят, известного знатока и мастера по разведению редкостных тропических растений.

Но кем бы Савва Андреевич ни увлекался, чем бы он ни занимался, он неизменно возвращался к своей Виви. Поэтому, когда ей донесли, что у него роман с первой

¹ Она делает хорошую мину при плохой игре! (*фр.*)

красавицей Североеланска — примадонной местного казенного театра Полиной Муромцевой, она не слишком расстроилась. В то время мужу было сорок семь. Он страдал одышкой, и хотя был высок и плечист, но уже заметно погрузнел и поседел.

Здесь Виви несколько кривила душой, не желая замечать, что при всей видимой тяжести своей фигуры Савва Андреевич по-прежнему статен и очень подвижен, обладает живой мимикой, приятным голосом и манерами, которые способны очаровать кого угодно. Чувство юмора у него поразительное! Он никогда не допускает скабрзностей и сальных шуток, но ирония пропитывает каждое его слово. Она тонка и изящна, а его глаза так выразительны и излучают столько энергии, что ему не составляет великого труда влюбить в себя *любую* женщину.

Он далеко не красавец. И нос толстоват, и веки тяжеловаты. Высокий лоб кажется еще больше за счет глубоких залысин, но у него твердый, решительный подбородок и красивые чувственные губы, которые выдают некоторую слабость характера, но так нравятся женщинам. И это сочетание слабости и решительности, жесткости и доброты, честности и прямоты делает его привлекательным не только для женщин, но и для его многочисленных друзей, партнеров и даже конкурентов.

Встреча его и Муромцевой не была неожиданностью для обоих. Казалось, они всю жизнь стремились друг к другу. Он только что вернулся в Североеланск после долгого пребывания за границей, а она дебютировала в роли Офелии в «Гамлете» Шекспира. До этого у нее было несколько успешных сезонов в Самаре и Киеве, но развод с мужем и смерть семилетней дочери заставили ее принять предложение антрепренера и забиться в несусветную глушь, где она мечтала обрести долгожданный покой для своей истерзанной страданиями души.

А вместо этого встретила любовь, о которой не смела даже помышлять. Но поначалу она увидела его глаза.

Удивленные и растерянные после первого акта спектакля и полные обожания и любви после его окончания, когда он прошел за кулисы, чтобы поздравить ее с грандиозным успехом. Утром в номер, который она снимала в гостинице, принесли шесть огромных корзин с орхидеями, а в городе зашептались, что Булавин полностью опустил свою оранжерею ради новой актрисы.

Поначалу она всячески сопротивлялась его напору, и для этого у нее были свои причины. Но когда все-таки сдалась, действительность превзошла все ее ожидания.

Конечно же, все, что случилось с ними, напоминало скорее взрыв, внезапно налетевший ураган! Безумное влечение с обеих сторон, угар, стремительная страсть, водоворот, из которого они не пожелали выбраться. Их взаимное притяжение было настолько сильным, что она чувствовала, как начинает колотиться ее сердце и дрожать руки, задолго до того, как его экипаж останавливался около подъезда дома, где она снимала квартиру на первом этаже. При его приближении она буквально теряла сознание от одного предчувствия близости с ним, тело ее горело и трепетало в его руках.

А он совершенно забыл не только об обязанностях, но и о приличиях, теперь он мог заявиться домой в два-три часа ночи, причем возвращался через весь город пешком или на извозчике, отсылая собственный экипаж с вечера, а то вовсе, и все чаще, оставался ночевать у любовницы. А на все обвинения Виви и ее требования объясниться отвечал молчанием, запирался в своем кабинете или уезжал в контору компании, а оттуда уже — к Полине или в театр, что, по сути дела, было одно и то же.

А теперь вот вздумал построить и подарить городу новое здание театра, и, как стало известно, об этом его просила Муромцева. И разве он мог ей отказать? Здание уже возвели под крышу, а Савва Андреевич сам закупал для него мебель. И всякие модные нововведения для сцены выписал из Парижа, и музыкальные инструменты

для оркестра из Дрездена и Палермо. А в Санкт-Петербурге уже изготовили по эскизу знаменитого художника Сухарева занавес для сцены, на который ушла прорва золотых и серебряных нитей. И по слухам, красоты он неимоверной, перед которой померкнут занавесы Большого театра и Мариинки. Нет, что бы там ни говорили, но новый театр — это не подарок городу, это прежде всего подарок его обожаемой Полине... Храм, который он строит для своей богини, самой неподражаемой женщины, встреченной им когда-либо!

Любовницей она была крайне деспотичной и ранимой, трепетной и ревливой. И жесткой к малейшим проявлениям лжи и необязательности. И что греха скрывать, Савве Андреевичу, привыкшему к легким интрижкам и ни к чему не обязывающим связям, поначалу пришлось несладко. Она разоблачала его моментально. И, конечно же, понимала, что, заставляя Булавина оправдываться, тем самым его унижает. И столь же быстро его прощала, потому что не переносила унижения даже в мельчайших его проявлениях.

Да, любить ее было нелегко, поэтому многие предпочитали делать это на расстоянии. Тайное обожание давалось гораздо легче, чем укрощение этой гордячки и недотроги, несравненной красавицы, но одновременно и большой умницы.

Очень богатый и по этой причине облеченный почти безграничной властью, в душе Савва Андреевич не был честолюбив и никогда не жаждал власти над другими людьми. Романтичный и душевно неустойчивый, он создавал свое безволие, хотя порой бывал очень упрям и крайне обидчив, но Полине он подчинился с радостью.

Она держала в вечном напряжении его нервы и сама глубоко страдала от своей, как ей казалось, непомерной жесткости во всем, что касалось его отношений с внешним миром, где не было места для нее. Там, где существовала его семья, его обязанности перед женой и доче-